

Сергей ГОРБАТЫХ

ИСПОЛНИТЕЛЬ

Сергей Горбатых

Исполнитель

«Мультимедийное издательство Стрельбицкого»

Горбатов С.

Исполнитель / С. Горбатов — «Мультимедийное издательство Стрельбицкого»,

Действие романа охватывает гражданскую войну в России, двадцатые и тридцатые годы прошлого столетия. Александр Мальцев — эгоистичный юноша, стремящийся сделать научную карьеру и вести спокойную жизнь, в 1937 году направлен в Испанию. Он студент факультета иностранных языков, блестяще владеющий испанским языком, является переводчиком советского военного специалиста Быкова И. Т. В Испании Александр попадает под тесную «опеку» офицера НКВД Юрия Некрасова, по прозвищу «Мальчик с пальчик». Опытный чекист Некрасов делает Мальцева исполнителем особых приказов руководителей НКВД...

© Горбатов С.
© Мультимедийное издательство
Стрельбицкого

Содержание

Глава 1	5
Конец ознакомительного фрагмента.	18

Сергей Горбатов

Исполнитель

Глава 1

Саше Мальцеву сегодня исполняется десять лет.

– Ты, сын, уже мужик! – одобрительно скажет ему папа, когда вернётся с работы и обязательно погладит по голове.

Семья Мальцевых занимала одну комнату в большой коммунальной квартире с широким коридором, заставленным разным хламом. Иногда в гости к кому-нибудь из соседей приезжали родственники из деревни и их укладывали здесь же спать на старый тулуп, брошенный прямо на пол. Зачастую здесь ночевали и засидевшиеся гости.

Саша собирался в школу. Его мама, Зинаида Ивановна, вошла с горячим чайником.

– Сашуль, пойдём в столовую, позавтракаем, – сказала она.

Столовой в их семье назывался угол у окна, закрывавшийся занавеской. Здесь стоял квадратный дубовый стол. За ним они ели. Саша учил уроки. Мама кроила материал. Впритык к столу стояла швейная машинка «Зингер». Вообще, вся их квартира разделялась на «комнаты» ситцевыми занавесками. У дверей была спальня Саши: на большом сундуке (приданном Зинаиды Ивановны) мама стелила ему постель. Здесь же находилась этажерка с книгами и тетрадями. Между спальней Саша и столовой располагалась комната родителей.

– Придёт папа с работы вечером, тогда и чаю с печеньем и вареньем попьем! Отметим твой день рождения, – пообещала сыну Зинаида Ивановна, невысокая женщина с толстой косой и приятным лицом с широкими скулами.

– Скорее бы наступил этот вечер! – думал в школе Саша, мечтая о печеньях в большой круглой коробке и душистом клубничном варенье, которым мама обязательно наполнит старую с трещинками вазочку.

День пролетел быстро. Дома Саша быстро приготовил уроки. Для него учёба не составляла труда. Он с ходу запоминал всё, что когда-то слышал, видел или читал. Поэтому учился только на отлично. Саша сел за стол и стал смотреть на круглую коробку, откуда исходил запах, от которого во рту скапливалась слюна, а в желудке подташнивало.

Вот и семь часов. Восемь...

– Сегодня снова поздно придёт. Опять партийные дела! – сокрушённо произнесла Зинаида Ивановна. – Давай начнём без него отмечать твой день рождения.

Саша очень редко видел своего отца, работавшего токарем на Путиловском заводе. В 1916 году восемнадцатилетним пареньком Пётр Петрович стал членом партии большевиков. Принимал активное участие в установлении Советской власти в Петрограде. Добровольцем ушёл на гражданскую войну в 1919 году. Во время боёв за Крым неожиданно ударили сильные морозы, и бойцы наступающих частей Красной Армии сотнями выбывали из строя от жестокой простуды. Командир взвода Мальцев заболел крупозным воспалением лёгких. Выздоровление было долгим. После демобилизации Пётр Петрович вернулся на родной Путиловский завод. В 1921 году ему, как бывшему командиру Красной Армии и большевику, выделили комнату в коммунальной квартире на Забалканском проспекте, который позже переименуют в Международный. Сюда он и привёз жену с четырёхлетним сыном.

Саша очень гордился своим отцом. Высокий и худой со впалыми щеками, он никогда не терял силы духа. В самые тяжёлые минуты находил нужные слова для друзей и своих близких. Часто у них в комнате собирались приятели Петра Петровича по работе и его товарищи по партийной организации Путиловского завода. Мальчику очень нравилось, когда гости разго-

варивали о гражданской войне, о политической ситуации в стране и в мире. Спорили иногда до хрипоты, но никогда не ссорились. Часто пели песни...

Хлопнула дверь.

– Папа! Папка пришёл! – подскочил с табуретки Саша.

– Нет, это у соседей, – ответила мама, не отрывая головы от швейной машины.

Саша прислушался. Да, действительно, за тонкой стеной из досок, обклеенных газетами, где жил служащий железной дороги Юрий Ивашкин со своей матерью и женой, слышались голоса.

– Добрый вечер, мама!

– Здравствуй, сыночек! – ответил писклявый старушечий голос. – Ты – домой, а твоя жена-вертихвостка – из дому!

– Мама, сколько раз я вам говорил, Вера не вертихвостка! Она учительница школы рабочей молодёжи! У неё уроки по вечерам, – объяснил Юрий.

– Приличные замужние женщины по ночам не работают! И как ты, сыночек, такой видный мужчина, почти инженер, женился на ней...

За стеной продолжалась, ставшая уже традиционной, перепалка. А мама стала накрывать на стол.

– Давай, Сашуля, чай пить! С днём рождения! – сказала мама, наливая ему в алюминиевую кружку кипятка.

Мальчик черпал ложкой клубничное варенье из вазочки, густо намазывая им ванильное печенье, и пил сладкий чай.

Зинаида Ивановна принялась рассказывать, как отмечались семейные праздники в их вологодской деревне, откуда она была родом. Саша слушал мать вполуха. Он думал:

– До следующего дня рождения придётся ждать целый год! А это так долго!

Потом он удобно устроился на мамином сундуке и заснул. Мальчик не слышал, как осторожно, без скрипа, открылась дверь. Это пришёл его отец.

– Петя, ты опять поздно! Ребёнок тебя так ждал! – укоряюще встретила его Зинаида Ивановна.

– Зинуль, партсобрание затянулось. Повестка дня была очень острой. Много споров, мнений... Надо было принять правильное решение, – оправдался Пётр Петрович.

На следующий день, вернувшись из школы, Саша столкнулся в коридоре с Софьей Павловной. Это была высокая и статная женщина, как всегда, с красиво уложенными седыми волосами и в праздничном платье.

– Здравствуй, Сашенька! – поздоровалась она с ним.

– Здравствуйте, Софья Павловна! – ответил мальчик.

– Я только сегодня узнала от Зинаиды Ивановны, что у тебя был день рождения.

– Да, мне уже целых десять лет! – выпалил Саша и хотел было улизнуть в свою комнату, потому что он побаивался Софьи Павловны.

О ней ведь ходили разные слухи. Говорили, что до революции не только эта квартира, но и весь дом принадлежал ей. Софью Павловну за глаза все соседи называли не иначе как «буржуйкой недобитой» или, в лучшем случае, «эта графиня». Только Мальцевы поддерживали с ней хорошие отношения. Пётр Петрович, несмотря на то, что был большевиком, почему-то уважал эту женщину. Зинаида Петровна же просто в ней души не чаяла.

– Сашенька, пройдем в мою комнату! – пригласила Софья Павловна мальчика.

– Ничего себе! – с восторгом прошептал Саша, увидев старинные кресла, диванчики, столики, огромные напольные вазы, картины на стенах. Но самое главное, в высоких, до самого потолка, шкафах из красного дерева стояли книги. Их было очень много. В кожаных переплётах с золотым теснением.

– Какие красивые книги! Сколько их?! – снова непроизвольно вырвалось у мальчика.

- Много, Сашенька, много, – засмеялась Софья Павловна. – А тебе нравится читать?
- Очень! – признался мальчик.
- А какие книги ты предпочитаешь?
- Мне нравятся сказки и приключения.
- А твои любимые писатели?
- Писатели? – на мгновение задумался Саша. – Пушкин, Стивенсон, Даниэль Дефо, Жюль Верн, Конан-Дойль...
- А что из произведений Александра Сергеевича Пушкина ты читал? – продолжала задавать вопросы Софья Павловна.
- «Сказку о царе Салтане», «Сказку о золотом петушке». Но больше всего мне нравится «Руслан и Людмила», – ответил Саша и без перехода стал на память читать:

У лукоморья дуб зелёный;
Златая цепь на дубе том:
И днём и ночью кот учёный
Всё ходит по цепи кругом;
Идёт направо – песнь заводит,
Налево – сказку говорит.

Мальчик настолько увлёкся, что продолжал декламировать поэму «Руслан и Людмила», останавливаясь лишь на мгновение для того, чтобы набрать в лёгкие воздуха.

Софья Павловна была настолько поражена, что у неё не хватило мужества остановить чтеца. Она только присела на край кресла и продолжала слушать. Наконец, Саша закончил читать, ни разу не запнувшись.

Софья Павловна громко захлопала в ладоши:

– Bravo! Bravo! Bravo, юноша! Честно скажу, что я давно не получала такого эмоционального наслаждения! Сколько времени тебе пришлось учить эту замечательную поэму?

– Ни сколько, я прочитал два раза и запомнил, – ответил мальчик, удивлённый заданным вопросом.

– Невероятно! – тихо произнесла хозяйка квартиры. – Просто невероятно! Саша, на твой день рождения я хочу подарить тебе полное собрание сочинений Александра Сергеевича Пушкина, – торжественно произнесла Софья Павловна.

Она открыла один из книжных шкафов и достала оттуда пять толстых томов в тёмно-коричневом переплёте.

– Большое спасибо! – поблагодарил Саша женщину.

– Давай, юноша, теперь выпьем восхитительного индийского чая с хорошим шоколадом, – предложила Софья Павловна.

– Давайте, – согласился он.

В первый раз в своей жизни Саша ел шоколад. Сначала он, очень стесняясь, взял из коробки одну конфету. Затем, не выдержав, вторую, третью...

– Сашенька, бери, бери! – уговаривала его хозяйка.

– Всё! Объялся! Больше не могу! – с сожалением объявил мальчик.

– Сашенька, я сейчас тебе скажу одну фразу по-французски. Слушай её внимательно, а потом повтори её, пожалуйста! – предложила Софья Павловна.

Она медленно, почти по слогам, произнесла по-французски:

– Когда я вышла из дому, меня уже ждал экипаж.

Саша также, почти по слогам, стараясь воспроизвести французское произношение, повторил эту фразу.

– Не-ве-ро-ятно! У тебя феноменальная память! Сашенька, тебя Бог наградил необыкновенной памятью, – восхищённо сказала Софья Павловна.

– Мой папа и у нас в школе говорят, что Бога нет! – резко возразил мальчик.

В ответ на его слова Софья Павловна почему-то громко рассмеялась.

Когда Саша вернулся к себе домой, он впервые обратил внимание на убогость квартиры, где они жили. Такая же по размерам комната, как и Софьи Павловны, но разве можно было сравнить их табуретки, сундук, выцветшие занавески с её роскошными креслами, диванчиками и картинами?

– Когда вырасту и выучусь, обязательно буду иметь свою красивую квартиру! – решил про себя мальчик.

Следующим вечером Саша уже устраивался спать на сундуке, когда пришёл отец.

– Папка, здравствуй! – кинулся он к нему.

Пётр Петрович был, как всегда, в своей длинной шинели, пропахшей крепким табаком. Он поднял Сашу на руки и крепко прижал к себе.

– Сынуля, родной, здравствуй! Как дела в школе?

– Хорошо, папа!

Отец, сняв шинель, сел с Сашей на сундук и стал рассказывать о молодом парне, который недавно окончил университет и теперь работает у них начальником цеха.

– Представляешь, Сань, ему всего двадцать три года, а он уже инженер? Вот и я мечтаю, чтобы ты у меня не просто рабочим был, а офицером нашей Рабоче-крестьянской Красной Армии. Или инженером, или, например, врачом. Нашей стране нужны специалисты, поэтому учись! Хорошо учись!

– А учусь. У меня по всем предметам «отлично»! – с нескрываемой гордостью ответил Саша.

– Молодец, сын! А теперь, спокойной ночи!

– Спокойной ночи, папа!

Уже засыпая, Саша слышал разговор родителей.

– Петя, сегодня со мной разговаривала Софья Павловна. Она сказала, что наш сын фимен.

– Кто? – удивился отец.

– Фимен. Память у него фименская, – объяснила мама.

– А, феномен, – догадался папа.

– Так Софья Павловна говорит, что с его памятью он может ещё в детстве выучить несколько иностранных языков.

– Иностранных языков... – задумчиво повторил Пётр Петрович. – А это очень здорово. Нашей стране нужны переводчики, учителя и работники Комиссариатов внешней торговли и иностранных дел. Это очень хорошая мысль. Я об этом никогда и не думал...

– Так вот, Софья Павловна сказала, что с удовольствием могла бы заниматься с Сашей французским языком, – сказала Зинаида Ивановна.

– Это хорошо! Гораздо лучше, чем ходить к Николаю и заниматься никому не нужной мазнёй. Зина, но у нас нет денег, чтобы платить Софье Павловне.

– Петя, я то же самое сказала и ей. Ну, а Софья Павловна на меня прямо-таки обиделась. Как Вам, Зина, не стыдно! Мне денег не надо! – говорит. – У вас сын очень умный. Талант у него и его, говорит, надо развивать».

– Ну, раз так, то это дело очень нужное. Пусть занимается французским языком! – сделал заключение Пётр Петрович.

На следующий день у Саши не было последнего урока, и весь класс отпустили домой.

– Ой, как ты сегодня рано! – обрадовалась Зинаида Ивановна, увидев входящего в комнату сына.

– Давай, Сашуля, ешь быстрее да к Николаю поедem.

– Так сегодня ведь четверг, мама! А мы к Николаю ездим по пятницам.

– Завтра у меня очень много работы. Платье к субботе надо пошить. Одна клиентка сегодня приходила. Уже и задаток оставила. К празднику ей срочно надо.

Они вышли на улицу. Начинаяло холодать. Вместо утреннего дождя уже сыпался мелкий снежок.

– Зима уже на носу. Конец октября, – сказала Зинаида Ивановна.

Подошёл трамвай. Внутри старого вагона было холодно и неуютно. Саша посмотрел на таблички, развешанные на деревянных стенах: «Дверь затворять», «Во время движения вагона не входить и не сходить». Всё было, как всегда. Трамвай так сильно трясся и жутко скрипел, что мальчику стало казаться, что на следующем повороте у вагона отвалятся колёса. Проехали Владимирский игорный дом. На углу Невского и Троицкой стояли извозчики-лихачи со своими колясками на резиновом ходу, дожидаясь богатых клиентов-нэпманов, выходящих из ресторана Палкина и из игорного дома.

– Сашуля, выходим! Сынок, ты что, заснул? – похлопала его по плечу Зинаида Петровна.

Какой-то здоровенный мужик в вонючем козлином полушубке открыл им дверь трамвая, и они спустились на скользкую мостовую.

От остановки до подвала дома, где обитал Николай, было всего два квартала. Вскоре мама стучала в добротную, давно не крашеную дверь. Послышался стук открываемого запора и на пороге появился невысокий бородатый мужик с всклокоченными волосами, одетый в старую латаную гимнастёрку, суконные штаны и лапти. Вся его одежда была обильно забрызгана пятнами белой краски.

– Зинаида! Александр! Милости прошу! – совсем не удивившись неожиданным гостям, тихим голосом произнёс он.

– Здравсьте, дядя Коля! – поздоровался Саша.

– Здравствуйте, здравствуйте! – заходите.

Это был Николай Звягинцев, троюродный брат Зинаиды Ивановны. Раньше они жили в одной деревне на Вологодчине. Двенадцатилетним мальчишкой Николай остался без матери, которая скорпостижно скончалась. Когда же мальчику исполнилось четырнадцать лет, отец отдал Николая послушником в монастырь. Сын ему являлся помехой для женитьбы на одной молодой девице из соседней деревни.

В монастыре Николай работал в иконописной мастерской. Здесь у него обнаружили способности к рисованию.

– Это был дар Божий, который нашли во мне и развили известные мастера-иконописцы. Они научили меня и с натуры рисовать, и портреты писать, – любил рассказывать об этом монастырском периоде своей жизни Николай.

В 1921 году советская власть добралась и до их монастыря, находившемся в глухом лесу. Монахов всех разогнали. Иконы сожгли. Амбары с продовольственными запасами разграбили.

Подался тогда Николай в Петроград. Ему исполнилось тридцать три года. На нём была ряса, а за плечами котомка, в которой лежали три тёмные древние иконы, которые он спас от огня. В Питере хлебнул Николай горя. Кем только не работал, чтобы с голоду не умереть. Но никогда не жаловался на свою судьбу:

– Это Господь мне испытания посылает. Я и должен их достойно пройти. А то какая же жизнь без испытаний? – постоянно повторял он.

В 1923 году ему удалось устроиться художником-оформителем в один из спешно создаваемых Домов культуры. Ему выделили для работы большое полуподвальное помещение. Здесь же Николай, с разрешения директора Дома культуры, оборудовал себе угол для жилья.

Звягинцев писал объявления, лозунги, афиши, плакаты... Платили ему за это талонами на питание в столовой для работников обувной фабрики «Скорород».

Зинаида Ивановна и Саша вошли в комнату с низкими потолками с узкими оконцами, откуда сюда едва проникал слабый свет серого питерского дня. Вокруг царил неописуемый беспорядок. Банки с краской, куски старого кумача, рейки, доски...

– Коля, у тебя опять беспорядок? – упрекнула Зинаида Ивановна.

– Нет времени, – вздохнул Николай. – Директор меня лично сегодня вызывал. Праздник уже, говорит, через несколько дней, а ты, Звягинцев, ещё не закончил транспаранты. Если через два дня не напишешь – уволю.

Среди этого хаоса в подвале существовало одно место, где был идеальный порядок: закуток, где жил Звягинцев. Он называл его по привычке «кельей». Здесь в углу висели иконы с горящей лампадкой, а на широкой деревянной лавке, служившей Николаю кроватью, лежал тюфяк, аккуратно заправленный серым шерстяным одеялом. На этажерке стояли зачитанные до дыр журналы «Церковные ведомости» дореволюционного издания. На столе из неструганных досок, покрытом белой скатертью, лежала старая толстая Библия с засаленной обложкой.

– Вот заходите в мою келью! Располагайтесь! Слава Богу, здесь у меня в мастерской сухо и нехолодно, – предложил гостям Николай.

– Коля, какой ты худющий! – воскликнула Зинаида Ивановна, всплещивая руками. – Ты сегодня хоть ел что-нибудь?

– Сегодня? – задумался Николай. – Да, сегодня в обед щей горячих в столовой похлебал. Макарон поел с рыбой и кисельком запил.

– Ну, а здесь, дома, у тебя есть что-нибудь из съестного.

– Из съестного? – переспросил Звягинцев. – Яблочко одно мочёное осталось да хлебца четвертушка.

– Ой, Коля, Коля... – укоряюще покачала головой Зинаида Ивановна. – Вот тут тебе картошки варёной принесла, воблу, чая, сахару, хлеба белого...

– Зачем, Зинаида! – протестующе замахал руками Николай.

– Я лучше знаю, – отрезала Зинаида Ивановна.

– Дядя Коля, – вмешался в разговор взрослых Саша, – а что мы сегодня рисовать будем?

– Что рисовать будем? Я давеча думал об этом. Пошли, Александр!

– Пошли! – ответил с готовностью Саша.

Николай поставил мольберт у самого оконца, чтобы использовать скудный свет уходящего осеннего питерского дня. На колченогую некрашеную табуретку бросил свою старую рубаху, предварительно измяв её, а перед нею положил мочёное антоновское яблоко.

– Бери, Александр, другой табурет, он у меня в келье стоит, и садись. Вот это и рисуй! – распорядился Николай.

– Дядя Коля, а зачем это рубаху всю измятую рисовать? А яблоко я уже умею...

– Александр, ты должен научиться изображать складки на портьерах, на одежде, на... – художник задумался. – В общем, везде. А яблоко я тебе положил не простое, а мочёное! Оно морщинки имеет. Так его так надо нарисовать, что всем было ясно, что яблоко это – мочёное! И чтобы всем хотелось его взять и надкусить! Понял?

– Понял! – ответил Саша.

Мальчик закрепил толстый лист картона на мольберте, удобно устроился на табурете и принялся делать первые наброски.

– Почему мой папа невзлюбил дядю Колю? – размышлял Саша, пытаясь с помощью теней показать глубину складки на нарисованном рукаве рубахе. – Ведь дядя Коля – это талант! У них в школе нет ни одного учителя, который бы умел так просто и доходчиво объяснять, как он. А папа в прошлом году при всех обозвал дядю Колю «набожным богомазом». После этого он больше не приходит к ним в гости.

Зинаида Ивановна тем временем обметала паутину по углам, вытирала пыль на полках, где лежали стопки плакатов, валялись старые, давно засохшие кисти и стояли начатые банки с клеем...

Николай вернулся к транспаранту, который он должен был срочно закончить. Он окунул самый кончик кисточки в белую краску и принялся дописывать лозунг на красном кумаче:

«Да здравствует 10-я годовщина Великой Октябрьской социалистической революции».

Периодически он подходил к Саше и проверял его работу.

Зинаида Ивановна набрала полное ведро воды и принялась мыть полы. Стало быстро темнеть.

– Дядя Коля, включить свет надо! Не видно уже ничего! – пожаловался Саша.

– Ох, уже и вечереет! – удивлённо воскликнула Зинаида. – Как быстро!

– Сашуля, собирайся! Едем! Николай, а ты давай мне своё бельё грязное. Я постираю и на следующей неделе привезу.

– Мама, я второй рукав ещё не закончил. Ещё немножко можно, а? – стал уговаривать Саша.

– Нет! Нет! Ты, сынок, хочешь, чтобы мы с «висельниками» ехали?! – ответила Зинаида Ивановна.

– Хорошо. Собираюсь уже... – объявил Саша. Ему тоже не нравилось ездить на трамвае с «висельниками». Так называли пассажиров трамваев, которые висели на подножках и поручнях вагонов. Особенно много «висельников» было в часы пик.

На следующий день в школе был диктант по русскому языку. Мальцев, как всегда, написал сам и помог всем своим ближайшим соседям. Ведь он учился лучше всех, не прикладывая к этому никаких усилий. Держался Саша обособленно и независимо. Дружить ни с кем не изъявлял желания. Одноклассники Мальцева не любили, но вынуждены были считаться с ним, потому что Саша всегда всем давал списывать. Никто никогда не называл его по имени. Только по фамилии: Мальцев, дай списать! Мальцев, ты решил домашнюю задачу по математике? Мальцев, посмотри ошибки в диктанте!

С того самого дня, как Софья Павловна стала давать Саше уроки французского языка, жизнь мальчика изменилась. Теперь он почти каждый день, вернувшись из школы, сразу же шёл в её комнату. Софья Павловна уже его ожидала с чашкой горячего какао или чая и вкусными кексами или печеньем, купленными в бывшей филипповской булочной, находящейся в квартале от их дома. Саша с удовольствием ел, с наслаждением вдыхая запах комнаты: здесь всегда пахло свежими розами.

Потом Софья Павловна объясняла ему очередную тему урока. Но, кроме уроков французского языка, она рассказывала мальчику о своих путешествиях в Италию, Францию, Испанию, Германию, которые посетила ещё до революции. Об истории этих стран, обычаях людей, живущих там. Саша слушал её, открыв рот. Он узнавал другой, неведомый для него мир. Кроме того, Софья Павловна ненавязчиво учила Сашу, как правильно вести себя в гостях. Как надо пользоваться ножом и вилкой. О блюдах, которые подавали в ресторанах Санкт-Петербурга до революции. Саша забывал о времени, находясь с Софьей Павловной. Иногда даже приходила Зинаида Ивановна, чтобы забрать его домой.

– Софья Павловна, извините, я заберу Сашу. Он Вам надоел уже?

– Нет, нет, Зиночка! – вежливо протестовала Софья Павловна. – Сашенька – замечательный молодой человек. Мне с ним очень интересно.

– Сашуля, уже девять часов вечера! – обращалась Зинаида Ивановна к сыну. – Тебе ведь уроки надо учить на завтра! Пойдём!

– Пойдём, мама! – нехотя соглашался Саша.

Возвращаясь в свою комнату, он снова оказывался среди ситцевых занавесок и убогой мебели, пропахшей табачным дымом и вонью кирзовых сапог. Саша садился за дубовый стол и

быстро готовил домашние задания на следующий день. Рядом, не отрывая головы от швейной машинки, работала мама, делясь с ним последними новостями: что вчера рассказывал папа, что снова натворили дети Щёчкиных.

Семья Щёчкиных являлась наказанием для всех жильцов их коммунальной квартиры. Их комната находилась напротив дверей Мальцевых. Степан Щёчкин, здоровый тридцатилетний детина, был кузнецом на Путиловском заводе. Когда он вечером возвращался с работы, на него с матерной руганью набрасывалась его законная супруга Пелагея. Она была невзрачной на вид, завистливой и очень жадной женщиной.

– Ты, бугай, деньги принёс? – встречала она Степана одним и тем же вопросом. – Детям жрать нечего.

– Меньше пусть жрут! – отвечал ей законный супруг.

После этих слов, как правило, вся коммунальная квартира взрывалась от криков и шума ломающейся мебели. Их шестеро малолетних детей мгновенно выскакивали из комнаты и, как тараканы, прятались в коридоре. Затем, осмелев, они выходили из своих укрытий и начинали настойчиво искать что-нибудь съестное. Воровали на кухне. Стучались в двери соседей, выпрашивая еду. Софья Павловна каждый день давала этим несчастным детям корзинку белого хлеба, а иногда яблоки, груши или конфеты.

Пелагея, зная об этом, никогда не благодарила эту благородную женщину. Наоборот, за спиной Софьи Ивановны шипела змеей:

– Могла и больше давать! С неё не убудет! Я точно знаю, что у этой «буржуйки недорезанной» в комнате сундук с брильянтами стоит. Она их продаёт и живёт, как у Бога за пазухой! А мы раньше на них, буржуев, горбатились! Кровушки они попили нашей! Где справедливость?

Зинаида Ивановна тоже подкармливала малолетних Щёчкиных. А Саша этих детей люто ненавидел. Их крики не давали ему спать. Ночью, выходя в коридор, он часто наступал в лужицы мочи, оставленные Щёчкиными.

– У меня никогда не будет детей! – решил однажды Саша, проснувшись ночью от хорошего детского плача.

Прошло несколько лет. В жизни Мальцевых ничего не изменилось. Пётр Петрович также возвращался домой очень поздно. Здоровье его ухудшилось. Он сильно похудел, надрывно кашлял, но продолжал много курить. Зинаида Ивановна днями просиживала за швейной машинкой, выполняя заказы на ремонт или пошив одежды. Брала она за свою работу дёшево, поэтому от клиентов отбоя не было. Саша являлся одним из лучших учеников в школе. У него по-прежнему не было друзей. Он сам под разными причинами старался увильнуть от группового похода в ТЮЗ или кино. По пятницам Саша занимался живописью с Николаем и достиг больших успехов. Он уже сам ездил в подвал, где жил и работал их родственник. Всё же свободное время Саша проводил с Софьей Павловной, которая настолько привязалась к нему, что считала своим сыном. Он уже давно получил её разрешение не только брать в шкафах любые книги, но и деньги, которые хранились в перламутровой шкатулке на ножках. Саша уже сам покупал продукты для Софьи Павловны по её просьбе.

Как-то раз он, доставая книгу с самой верхней полки шкафа, неловко повернулся на стремянке и, чтобы сохранить равновесие и не упасть, уронил книгу. К сожалению, она упала не на пол, а завалилась за шкаф. Для того, чтобы достать книгу, ему пришлось вытащить все книги из шкафа. Сделав это, он с огромным трудом отодвинул шкаф. За ним лежала злополучная книга и какой-то толстый пакет, завёрнутый в мешковину. Саша поднял его.

– Какой тяжеленный? – удивился он.

– Софья Павловна, идите сюда! Я что-то нашёл! – позвал Саша хозяйку квартиры.

– Нашлась! Неужели она нашлась! – с радостным изумлением воскликнула она, увидев пакет. – Это редчайшая книга. В 1922 году, когда меня уплотняли в эту комнату, я упаковала

её в мешковину, чтобы никто не позарился. А потом не могла её найти. Думала, что рабочие украли. Переживала... А книга-то цела! Давай-ка, Сашенька, снимем эту грязную упаковку.

Саша снял мешковину, и перед его глазами предстала большая книга в кожаном переплёте с серебряными накладками по углам. Он медленно открыл её. Под обложкой оказался нежный бархат. Титульный лист был написан на неизвестном ему языке. Мальчик прочитал и понял, что книга называлась «Хроники открытия Нового Света». Мадрид. 1678 год. Он пролистал несколько страниц.

– Это, наверное, на испанском языке написано? – спросил мальчик.

– Да, Сашенька, на испанском, – подтвердила Софья Павловна.

– А Вы знаете его? Мне так хочется прочитать эти Хроники, – спросил Саша, продолжая листать книгу, разглядывая необычные рисунки каравелл, людей в доспехах с пушками, индейцев, стоящих на коленях перед высоким деревянным крестом, вкопанным в песок.

– Испанский язык я знаю, но вот правильного произношения у меня нет. Я тебе объясню, как можно прочитать эту книгу и дам французско-испанский словарь.

– Спасибо! – обрадовался мальчик.

В ноябре 1932 года все газеты страны стали печатать историю жизни и трагической гибели Павлика Морозова. Особенно они подчёркивали слова великого пролетарского писателя Максима Горького:

«Память о нём не должна исчезнуть – этот маленький герой заслуживает монумента, а я уверен, что монумент будет поставлен».

В школе, где учился Мальцев, в один из дней перед началом занятий была проведена пионерская линейка. Перед учащимися выступила секретарь горкома комсомола. Фамилию её Саша не расслышал. Это была крупная высокая девушка в коротком пальто. Закатив вверх глаза, секретарь горкома протараторила заученный текст:

– Пионер Павлик Морозов вёл преданную, активную работу с классовым врагом (кулачеством и их подкулачниками), выступал на общественных собраниях, разоблачая кулацкие проделки. В ноябре 1931 года Павлик Морозов подал заявление следственным органам о том, что его отец, будучи председателем сельсовета, был связан с местными кулаками и занимался подделкой документов и продажей их кулакам-спецпереселенцам. В январе 1932 года Павлик Морозов вывел на чистую воду кулака Силина Арсения, который, не выполнив задания по сдаче картофеля, продал местным кулакам целый воз картофеля. Осенью 1932 года Павлик Морозов доносит на кулака Кулуканова, укравшего с сельсоветского поля шестнадцать пудов ржи...

Секретарь приводила ещё примеры из героической деятельности пионера Морозова Павлика, но Мальцев её уже не слушал. Он вспоминал прочитанную вчера книгу «Мопассана» на французском языке.

Потом слово было предоставлено пионервожатой их школы Зое Федоровне.

– Пионер Павлик Морозов – это символ честности и принципиальности юного борца с кулаками. Он был убит собственными дедом и дядей, но дело его живёт и будет жить! – скороговоркой выпалила невысокая бойкая девушка в красном платке и пионерском галстуке.

Затем зачем-то выступать пригласили Ларку Пивоварову, отличницу-зубрилку из параллельного класса. Она вышла из строя, открыла рот и ничего не могла сказать. Лицо девочки покрылось большими розовыми пятнами, а лицо вытянулось от испуга.

– Забыла, зубрилка! – злорадно прокомментировал кто-то за Сашиной спиной.

Наконец, Пивоварова залепетала:

– Мы... мы... Мы, все пионеры нашей дружины... сохраним память о Павлике Морозове в наших сердцах.

На этом, к радости Саши, линейка закончилась. Но на последнем уроке в класс к ним пришли завуч школы Лидия Яковлевна и пионервожатая Зоя Фёдоровна.

– Товарищи пионеры! – обратилась к ним Зоя Фёдоровна. – Совсем недавно, по инициативе пионеров Москвы, Воронежа и других городов и сёл нашей любимой Родины, стали формироваться особые пионерские группы. Они призваны следить за своими родителями и соседями и сообщать об их неблагоприятных поступках в органы власти. Мы тоже приняли решение о создании таких групп в каждом классе. Более подробно об их работе расскажу потом на специальном собрании. А теперь, кто хочет записаться в эту группу, поднимите руки!

В классе повисла гнетущая тишина.

– Ну! – угрожающе произнесла завуч.

– Я! – поднял руку Вася Чернов, рыжий, веснушчатый мальчик маленького роста.

– Молодец, Василий! – с явным удовольствием похвалила его Лидия Яковлевна. – Кто ещё? Ну, где же добровольцы? Среди вас что, нет честных и принципиальных ребят?

– Я хочу! – встала Оля Рябунец.

– Молодец! – похвалила девочку пионервожатая.

– Мальцев, а ты почему притаился? – вдруг произнесла завуч, – Ты же лучший ученик школы. У тебя отличное поведение!

– Да, Мальцев, почему ты не поднимаешь руку? – вмешалась пионервожатая.

Сашу вдруг внутри обдало жаром. Он почувствовал, как стал весь гореть от возмущения. «Как это, следить за папой и мамой?» – не укладывалось у него в голове.

Он встал.

– Я за отцом следить не буду. Мой папа старый большевик! Участник гражданской войны. Красный командир! – твёрдо и с гордостью заявил Александр.

Пионервожатая смутилась и не знала, что и сказать. Тогда Лидия Яковлевна негодуя бросила ему упрёк:

– У тебя, Мальцев, соседи есть. Я уверена, что среди них имеются антисоветски настроенные элементы!

– Все наши соседи – пролетарии! – уверенно ответил Саша и вдруг вспомнил Софью Павловну. – Ну, нет, об этой женщине я никогда и никому не расскажу! – подумал он.

– Значит, Мальцев, ты отказываешься войти в состав этой пионерской группы? – в один голос закричали завуч и пионервожатая.

– Да! – коротко ответил Саша.

– Тогда завтра пусть твой отец придёт с утра к директору школы на беседу! – раздражённым голосом приказала Лидия Яковлевна.

– Да, да! И ко мне пусть обязательно зайдёт! – заявила Зоя Фёдоровна.

Пётр Петрович пришёл с работы, как всегда, поздно.

– Добрый вечер, Зинуля! – поздоровался он с женой.

– Как дела, сын? – и похлопал Сашу по плечу.

Затем, не раздеваясь, прошёл к окну, открыл форточку и принялся курить.

– Петя, тебе же нельзя вообще курить! С твоими-то лёгкими! Бросай! Тебе же врачи давно велели бросить эту гадость! – стала стыдить его Зинаида Ивановна.

Пётр Петрович хотел что-то ответить, но тут к нему подошёл Саша и рассказал о происшедшем. Лицо отца помрачнело. Он со всего маху ударил кулаком по столу и зашёлся в долгом затяжном кашле.

– Сволочи! – только одно слово услышал от него Саша.

На следующее утро, перед самым началом занятий, Пётр Петрович уже стоял у дверей кабинета директора школы.

О чём его отец говорил с завучем, пионервожатой и директором Саша так никогда и не узнал. Папа ему ничего не рассказал. Но после ухода отца Лидия Яковлевна стала ему всегда мило и глупо улыбаться, а Зоя Фёдоровна старалась с Сашей вообще не встречаться.

Для борьбы с кулацким и подкулацким вредительством в самих колхозах 1 января 1933 года ЦК ВКП (б) принял решение об организации политических отделов при машинно-тракторных станциях, обслуживающих колхозы. В сельские политотделы было направлено семнадцать тысяч партийных работников и коммунистов с большим стажем. Среди них был Пётр Петрович Мальцев.

Зинаида Ивановна собирала его и причитала:

– Петенька, тебе лечиться нужно! В санаторий тебе уже сколько раз предлагали поехать?! А ты всё отказываешься! Работа, партийные собрания! Теперь вот кулаки...

– Зинуля, а кто же порядок в деревне наведёт кроме нас, коммунистов? Люди в городах голодают, а они зерно гноят. Сеять отказываются. Нашу родную Советскую власть люто ненавидят, – спокойно объяснял ей супруг.

Папа уехал в феврале. Без него в квартире стало неуютно и пусто. Зинаида Ивановна места себе не находила. У неё всё валилось из рук. Саша пытался её успокаивать и старался больше времени находиться рядом с ней.

Пятого марта он поехал к Николаю Звягинцеву на урок рисования. Как всегда, скрипел и дрожал трамвай. Но улицы Ленинграда изменились. Закрылись все рестораны для нэпманов. Уже не пахло вкусной сдобой в бывших филипповских булочных. Они тоже прекратили своё существование. Исчезли нэпманы. На углу Невского и Троицкой уже не стояли извозчики-лихачи со своими повозками на резиновом ходу.

– Как хорошо было во время Нэпа, – вдруг подумал Саша. – А сейчас все продукты выдают только по карточкам. Бедная мама! Она вечером и ночью шьёт, а рано утром уходит добывать продукты. Иметь карточки – это одно дело, а выстоять длинную очередь – это другое. У кого есть деньги, тот может купить еду в специальных магазинах, которые почему-то называют «коммерческими». Софья Павловна покупает все продукты в этих магазинах, там есть всё. Но стоит, говорят, в десять раз дороже! А где Софья Павловна возьмёт еду? Ей ведь карточки не положены как чуждому нам, пролетариям, элементу. И зачем только НЭП отменили?

Александр вышел из трамвая и поёжился.

Дул холодный ветер. В лицо бил мокрый снег. День был явно не весенний. Подойдя к павалу, он хотел, как всегда, громко постучать в дверь кулаком. Саша уже было занёс руку, но вдруг остановился. Некрашенная дверь была оклеена полосками бумаги со словом «ОПЕЧАТАНО». Под ним стояла круглая расплывшаяся печать синего цвета, подпись и дата – 2 марта 1933 года.

Саша застыл от страха. Он сразу понял, что произошло что-то страшное. Мальчик кинулся в каморку к дворнику, но что-то остановило его. Саша развернулся и пошёл в хлебный магазин, где Николай иногда покупал хлеб.

Среди пустых полок сидела пожилая женщина в белом фартуке, ловко гремя костяшками счетов и записывая что-то в толстую тетрадь.

– Здравствуйте, у Вас по-соседству есть подвал. Там мастерская была, и работал в ней мужчина... – начал спрашивать он.

– Забрали его, парень! Приехала три дня назад милиция и увезла! Говорят, что мужчина этот, Николаем его звали, врагом Советской власти оказался! Вот так-то, парень! А ты туда не ходи! Там милиция дежурит. Задерживают, говорят, всех, кто туда приходит! – облокотившись на прилавок, прошептала она.

У Саши от страха затряслись руки.

– Спасибо! – только и смог сказать. Он выскочил из магазина и бегом побежал к остановке трамвая, озираясь по сторонам.

– Мама! Мама! – с криком вбежал Саша в комнату. – Дядю Колю арестовали!

Зинаида Ивановна подняла голову от швейной машинки. Её лицо стало белым как мел.

– К...а...к? Как это а-ре-ре-стова-ли? – заикаясь, спросила она.

Саша кратко рассказал об опечатанном подвале и о словах продавца хлеба. Зинаида Ивановна встала и, не произнеся ни слова, стала собираться.

– Ты куда, мама? – удивился Саша.

– В милицию! – коротко бросила Зинаида Ивановна и вышла из комнаты.

Прошло три часа. Потом ещё два. Саша сильно нервничал.

– Где же мама? Может, и с ней что-то случилось? – переживал он.

Была уже ночь, когда тихо открылась дверь. В комнату вошла Зинаида Ивановна. У неё было заплаканное и какое-то отрешённое лицо.

– Мамоchка, ну что? – с нетерпением бросился спрашивать её сын.

– Арестовали Николая по доносу. В отделении милиции так сразу же поинтересовались: «А Вы, гражданочка, кем ему-то будете?»

– Сестра, – говорю, – троюродная.

– Ах, раз Вы родственница, тогда пройдите в кабинет к следователю!

Я поднялась на второй этаж, зашла в кабинет, а там хлыщ молодой сидит. И давай меня страшать:

– Ваш брат рисовал иконы в мастерской, принадлежащей Дому культуры. Какая наглость! Но самое главное, что собирались у него там троцкисты и плелись антисоветские заговоры! Понятно Вам, Зинаида Ивановна?! Вы пока пойдёте по этому уголовному делу свидетелем. А там мы разберёмся. Может, Вы тоже принимали участие в этих сходках?

– После этих слов я как стала белугой реветь. Еле он меня успокоил. Записал мою фамилию, адрес домашний. Сказал, что скоро повесткой вызовет. С Колей увидеться не разрешил и передачи ему приносить запретил. Вот такие-то дела, Сашуля, – грустно закончила мама.

В комнате наступила тишина. Саша даже не знал, что сказать. Он молча сидел на табурете и смотрел на маму.

– Сыночек, достань мне с полки сердечные капли! – вдруг прохрипела Зинаида Ивановна, схватившись за сердце.

Саша сразу же ринулся в родительскую спальню, схватил пузырёк с валерьянкой и начала капать её в стакан с водой.

– Пей, мамочка, успокойся! Может, всё будет хорошо. Надо только папку дожидаться. Он сразу всё решит, – успокаивал он Зинаиду Ивановну.

С этого вечера у мамы каждый день стало хватать сердце. Пузырёк с сердечными каплями теперь всегда стоял около швейной машинки. Тошнотворный аромат валерьянки навсегда поселился в их комнате, вытеснив вонь отцовских кирзовых сапог и запах крепкого табака.

Девятый класс Саша закончил на отлично. Ему, как всегда, по итогам учебного года вручили Почётную грамоту. Всё было хорошо, но один вопрос не давал юноше покоя: «Что делать после окончания школы? Ведь остался всего один год! Куда пойти учиться? Как сделать правильный выбор?»

Отец всегда хотел, чтобы Саша поступал в военное училище. Саша и сам хотел, особенно когда встречал на улице молодых командиров Красной Армии в новенькой форме, которые, скрипя портупелями, спешили по своим делам. Но на одной из встреч курсантов военно-пехотного училища (выпускников их школы) со старшеклассниками Саша услышал их рассказы о службе в армии. Описание жизненных лишений, которые испытывают солдаты и командиры Рабоче-крестьянской Красной Армии, сразу же разбили все его мечты о военной карьере. Стать инженером? Меньше всего ему хотелось руководить грязными работягами где-нибудь в холодном цеху. Ведь отец два раза брал его с собой на Путиловский завод. В третий Саша отказался под предлогом большой занятости уроками. И вообще, от завода у него остались самые кошмарные воспоминания. Нет, это не для него! Так что же тогда делать?

Саша попросил совета у человека, которого он очень уважал: у Софьи Павловны. Она сразу же сказала:

– Сашенька, сама я неоднократно думала на эту тему. Ты очень умный, всесторонне одарённый, душевно ранимый человек. Чем ты сможешь заниматься, живя в эту эпоху ужасного репрессивного большевистского режима? Полагаю, что только научным трудом! Я уверена, что в будущем из тебя мог бы получиться выдающийся филолог, лингвист, историк. Подумай над моими словами!

В середине июня из милиции Зинаиде Ивановне пришла повестка. Прихватив с собой ставший уже привычным пузырёк с валерьянкой, она почему-то попрощалась с Сашей и ушла. Вернулась неожиданно быстро, вся заплаканная.

– Мама, ну, рассказывай! – кинулся к ней сын.

– Всё, Сашуля, нет у тебя больше дяди, а у меня брата, хоть и троюродного! – горько произнесла Зинаида Ивановна и принялась шумно сморкаться в носовой платок.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.